

Тареев М. М. Экзегетические заметки: I. Еще к вопросу о переводе Иоан. VIII, 44 и X, 12–13; II. Мамона неправды. III Иак. IV, 5 // Богословский вестник 1904. Т. 2. № 5. С. 141–161 (2-я пагин.).

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Еще къ вопросу о переводѣ Ин. VIII, 44 и X. 12, 13.

I.

Въ Тр. К. Д. А. (1904, мартъ) проф. Д. И. Богдашевскій представилъ образцы своего экзегетическаго творчества и экзегетической критики (въ ст. Экзегетическія замѣтки).

Онъ подвергаетъ критикѣ данное мною изъясненіе Ин. X, 12. 13 (Б. В. 1903, кн. IX) и VIII, 44 (кн. X).

Мое изъясненіе и того и другога мѣста критикѣ находятъ „ненатуральнымъ“ (стр. 447 и 449). Было бы весьма интересно узнать отъ проф. Богдашевскаго, что онъ разумѣетъ подъ „натуральностью“ экзегесиса, такъ какъ у ученыхъ комментаторовъ нѣтъ обыкновенія называть тотъ или другой экзегесисъ такимъ терминомъ.

Относительно Ин. X, 12. 13 проф. Богдашевскій прежде всего разсуждаетъ о значеніи глагола *οχορλιζειν*. Онъ пишетъ: „въ своемъ пониманіи г. Тарѣевъ утверждаетъ на томъ, что *οχορλιζειν*, какъ показываетъ его употребленіе въ другихъ мѣстахъ Новаго Завѣта, не имѣетъ значенія „разгонять,“ а означаетъ именно „расточать.“ И вотъ Богдашевскій поучаетъ меня, что „если при *οχορλιζειν* стоитъ *accusat.*, то оно именно означаетъ: „разсѣвать,“ „разгонять,“ ссылаясь на Пс. XVII (XVIII) 15; 2 Цар. XXII, 15 и Ин. XVI, 32.

Самое величайшее затрудненіе въ литературной полемикѣ происходитъ отъ неточности критиковъ и референтовъ при передачѣ авторскихъ мыслей. Обычно критикѣ сначала иска-

зять авторскую мысль до предѣловъ нелѣпости и потомъ, подобно Донъ Кихоту, сражается съ мельницей, съ искаженной мыслью, воображая, что одерживаетъ побѣды. Приѣмъ самый употребительный, но неприглядный.

Повидимому, „я утверждаю, что *οχορλιζειν* не имѣетъ значенія разгонять,“ а Богдашевскій указываетъ примѣры такого значенія. Коротко и ясно! Но... никогда и нигдѣ я не утверждалъ, что глаголь *οχορλιζειν* не имѣетъ значенія „разгонять.“ Повторю буквально то, что я писалъ: „Русскій переводчикъ и новѣйшіе издатели греческаго текста поступаютъ неправильно. Кромѣ того, что они вынуждены или переставить слово „овець“ или отбросить его, они изобличаются также невѣрнымъ пониманіемъ слова *οχορλιζειν*. Относя этотъ глаголь къ подлежащему „волкъ“, они понимаютъ его въ смыслѣ „разгоняетъ.“ Но это невѣрно. (Т. е. невѣрно относить въ Ин. VIII, 44 *οχορλιζειν* къ подлежащему волкъ и переводить его словомъ „разгоняетъ“). У Мѣ. XII, 30 и Лк. XI, 23 читаемъ: *ο μη συσκαοι μετ' εμου οχορλιζειν* кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ, т. е. *зѣтъ* (!) *οχορλιζειν* означаетъ не *расхищаетъ* или *разгоняетъ*, а расточаетъ или растериваетъ,—глаголь относится не къ разбойнику или вору, а къ охранителю или управителю. Также Лк. XVI, 1: одинъ человекъ былъ богатъ и имѣлъ управителя, на котораго донесено было ему, что расточаетъ имѣніе его *διαοχορλιζοι τα ιλαροτητα αυτου*. 2 Кор. IX, 9: *εβοχορλιβεν, εδοχεν τοις πτωχοις*, расточилъ, раздалъ нищимъ. И въ Ин. X, 12 *οχορλιζειν* означаетъ „расточаетъ, растериваетъ,“ а не „разгоняетъ,“ и относится къ подлежащему пастухъ-наемникъ“. Вотъ что я писалъ. Я не говорилъ объ общемъ значеніи глагола, а говорилъ только о его употребленіи въ Н. З. Научно говоришь только то, на что имѣешь основанія и что относится къ цѣли; ученый никогда не придастъ частному значенію общаго. Я не говорю объ *общемъ значеніи οχορλιζειν* (что легко узнать изъ словаря и что предполагается общеизвѣстнымъ), я говорю объ употребленіи этого слова въ Н. З. Большая разница между вопросомъ объ общемъ значеніи слова и вопросомъ объ употребленіи его въ томъ или другомъ литературномъ памятникѣ. На этомъ основывается различіе греческаго классическаго, греческаго LXX, греческаго новозавѣтнаго.

По словамъ Богдашевскаго, я опредѣлилъ значеніе глагола *οχορλιζειν* по употребленію его въ Н. З. Но я этого не дѣлалъ. Не по употребленію въ Н. З. я опредѣлялъ значеніе глагола, а именно говорилъ объ его употребленіи въ Н. З. Во всякомъ случаѣ будемъ опираться на букву. Я не говорилъ, что *οχορλιζειν* не имѣетъ значенія *разгонять*; я говорилъ, что глаголь не имѣетъ этого значенія въ Ин. X, 12, какъ не имѣетъ въ Мѣ. XII, 30; Лк. XI, 23 и XVI, 1.

Выраженіе „разгоняетъ“ для нашей притчи очень опредѣленно. Если *οχορλιζειν* означаетъ „разгоняетъ,“ то ужъ конечно разгоняетъ овецъ волкъ, а не пастухъ-наемникъ. Для меня и важно было разсѣять это предубѣжденіе и показать, что *οχορλιζειν* не только не имѣетъ исключительно значенія разгонять, но употребляется въ Н. З. именно въ смыслѣ „расточать, растеривать.“

Собственное значеніе *οχορλιζειν* „разсѣивать, разбрасывать“ (по словарю) для нашего текста и для подобныхъ очень неопредѣленно (какъ и значеніе тѣхъ еврейскихъ глаголовъ, которые LXX передаютъ чрезъ *εβοχορλιβειν* въ пс. XVII (XVIII) 15 (2 Цар. XXII, 15) и CXI (CXII) 9 (2 Кор. IX, 9) и чрезъ *εβοπλαβειν* въ Зах. XIII 7 (*διαβοχορλιβησομαι* Мѣ. XXVI, 31; Мрк. XIV, 27). *Одинаково* имѣемъ разсѣяніе или разбрасываніе въ *разныхъ* случаяхъ, когда хозяинъ (блудный сынъ) расточаетъ имѣніе свое, *διεβοχορλιβειν την ονομιαν αυτου* Лк. XV, 13, ср. Пс. CXI (CXII), 9—2 Кор. IX, 3), или домоправитель (невѣрный) расточаетъ имѣніе хозяина (*διαβοχορλιζων τα υλαρχοντα αυτου* Лк. XVI, 1), или пастухъ-наемникъ растериваетъ овецъ (*οχορλιζει τα προβατα*), или волкъ разгоняетъ овецъ (id.), или Господь разсѣиваетъ надменныхъ и враговъ праведника (*διεβοχορλιβειν υπερηφανους* Лк. I, 51, *εβοχορλιβειν αυτου*; Пс. XVIII (XVIII) 15 (2 Цар. XXII, 15).

По какимъ же признакамъ можно узнать частный оттѣнокъ въ употребленіи глагола,—отчего зависятъ эти оттѣнки? Проф. Богдашевскій пишетъ: „если при *οχορλιζειν* стоитъ *accusat.*, то оно именно означаетъ: „разсѣивать, разгонять.“—И ссылается на единственный ветхозавѣтный примѣръ Пс. XVII (XVIII) 15—2 Цар. XXII, 15! Вотъ разительный образчикъ поспѣшныхъ обобщеній! Въ этомъ примѣрѣ, дѣйствительно, Господь разгоняетъ враговъ, также Лк. I, 51 (по характеру мѣсто вѣтхозавѣтное); но вотъ блудный сынъ расточаетъ

имѣніе свое (*διοκκορλιβεν την οβοιαν αυτου*), управитель расточаетъ имѣніе хозяина (*διοκκορλιζων τα ελαφοντα αυτου*)!—

Частный оттѣнокъ въ употребленіи глагола зависитъ не отъ этого, а отъ контекста, отъ того, съ какимъ подлежащимъ онъ сочетается. Въ нашемъ текстѣ важно опредѣлить, какое подлежащее при *οκορλιζει τα προβατα*: пастухъ, или волкъ. Чтобы опредѣлить это, мы обращаемся къ употребленію глагола въ другихъ новозавѣтныхъ мѣстахъ, и находимъ болѣе или менѣе устойчивое сочетаніе съ подлежащими: домоправитель, хозяинъ. Это даетъ намъ обоснованную возможность и въ нашемъ текстѣ относить глаголь къ подлежащему: пастухъ, а не волкъ. (Вотъ почему я и не сказалъ ни одного слова объ опредѣленномъ значеніи глагола—безъ опредѣленнаго сочетанія его съ тѣмъ или другимъ субъектомъ дѣйствія. Вотъ почему, далѣе, въ Ин. XVI, 32 глаголь употребленъ въ общемъ, неопредѣленномъ значеніи).

Соглашаюсь, что такимъ путемъ можно обосновать только возможность. Но вѣдь у меня это не единственное и не особенное основаніе. Оно у меня примыкаетъ къ другому,—къ тому, что употребленіе сначала указат. мѣст., а потомъ существ. „*οκορλιζει αυτα και οκορλιζει τα προβατα*—расхитить ихъ и распудить овцы“ заставляетъ относить глаголы къ разнымъ подлежащимъ. Эта система основаній и создаетъ необходимое заключеніе.

Правда, мое предшествующее основаніе проф. Богдашевскій старается устранить такимъ объясненіемъ, что волкъ „расхитить отдѣльныхъ овецъ, а распудить цѣлое стадо“. Но это возраженіе Богдашевскаго не имѣетъ никакой силы. Во-первыхъ. Что волкъ, бросаясь въ стадо, схватываетъ *одну овцу* (какъ у Богдашевскаго), а остальныхъ распугиваетъ, это обычное явленіе. Но не объ обстановкѣ этого явленія, не о томъ, что похищеніе овцы волкомъ сопровождается разсѣяніемъ стада, идетъ рѣчь въ притчѣ. Притча говоритъ не о случаѣ нападенія волка, но даетъ схему отношеній къ стаду—пастыря, наемника и волка: пастухъ (всегда) полагаетъ жизнь свою за овецъ, наемникъ убѣгаетъ, какъ только завидитъ приходящаго волка, оставляетъ овецъ, а волкъ расхищаетъ ихъ (*αυτα*). Если вопросъ о картинѣ явленія, одно дѣло; если о схемѣ, другое дѣло. Во-вторыхъ—и это самое главное. Если даже допустить возможность картиннаго изобра-

женія, *все равно* этимъ не устраняется странность употребленія сначала указат. мѣст., а потомъ существительнаго. Пусть волкъ однѣхъ овецъ растерзываетъ, а другихъ распугиваетъ, въ этомъ еще нѣтъ основанія сказать: растерзываетъ *ихъ* и распугиваетъ *овецъ*, все равно нужно было бы сказать: растерзываетъ овецъ и распугиваетъ ихъ. Богдашевскій говоритъ далѣе объ усиленіи мысли. Но ужели „разогнать“ сильнѣе, чѣмъ „расхитить“?! Наконецъ, что затрудненіе въ чтеніи текста существуетъ, это показываютъ и переводчики, переставляя „овецъ“ и „ихъ“, и новѣйшіе издатели, отбрасывая „*та прозата*“.

Противъ даннаго мною перевода Ин. VIII, 44 г. Богдашевскій, во-первыхъ, возражаетъ: „толкованіе это, безъ сомнѣнія, весьма странное, ибо въ Писаніи нигдѣ нѣтъ рѣчи объ отцѣ діавола“ (т. е. кромѣ, какъ я полагаю, даннаго мѣста). Но... вѣдь и объ отцѣ лжи въ Писаніи нигдѣ нѣтъ рѣчи (т. е. кромѣ, какъ толкуетъ Богдашевскій, даннаго мѣста). Ergo, оба толкованія въ этомъ отношеніи одинаковы. Какъ же г. Богдашевскій не досмотрѣлъ полнаго *безсилія* своей аргументаціи? Ужели на такихъ призрачныхъ доводахъ можно основывать „безсомнѣнныя“ истины?

Во-вторыхъ, г. Богдашевскій возражаетъ: „Постановкѣ члена предъ *πατηρ* нельзя придавать того значенія, какое усвояетъ проф. Тарѣевъ, ибо извѣстно, что въ Новомъ Заветѣ весьма часто существительное съ членомъ имѣетъ значеніе предиката“. Далѣе слѣдуютъ примѣры. Всегда пріятно отъ профессора выслушать урокъ, но непріятно, если урокъ поражаетъ своею элементарностью и безцѣльностью. Былъ ли для проф. Богдашевского поводъ давать мнѣ этотъ элементарный урокъ, если я буквально писалъ такъ: „въ греческомъ *ψευστης* употреблено безъ члена, а *ὁ πατηρ* съ членомъ и потому эти два слова не могутъ быть одинаковыми частями одного предложенія, именно двумя сказуемыми“? Очевидно, г. критикъ въ мою аргументацію не вникаетъ и только потому впадаетъ въ соблазнъ самодовольно сдѣлать элементарное наставленіе. Ему нужно было бы показать, что изъ двухъ сказуемыхъ одного предложенія (употребленныхъ одинаково—въ общемъ или опредѣленномъ смыслѣ) одно можетъ быть безъ члена, а другое съ членомъ.

Впрочемъ далѣе г. Богдашевскій пишетъ: „что при *φευότης* нѣтъ члена, а при *πατηρ* находится членъ, это объясняется тѣмъ же, почему и въ предшествующемъ въ одномъ случаѣ при *ἀληθεια* поставленъ членъ, а въ другомъ нѣтъ: и во истинѣ (*ἐν τῇ ἀληθείᾳ*) не стоитъ, яко нѣсть истины (*οὐκ ἔστιν ἀληθεια*) въ немъ“. Повидимому доказательно? прямо на вопросъ? На самомъ дѣлѣ совершенно не на вопросъ. Въ-сто прямого изслѣдованія вопроса хитросплетеніе, какъ будто критикъ или откровенно не понимаетъ, или намѣренно путаетъ. Вѣдь, если бы я говорилъ, что каждое существительное въ евангеліи употребляется или на всемъ протяженіи съ членомъ или на всемъ протяженіи безъ члена, въ такомъ случаѣ его примѣръ имѣлъ бы значеніе. Но вѣдь я говорю о членѣ при одинаковыхъ частяхъ одного предложенія, а онъ указываетъ мнѣ на одно слово въ двухъ предложеніяхъ. Вѣдь два предложенія, хотя бы и рядомъ стояли, не составляютъ одного предложенія! Что въ этихъ двухъ предложеніяхъ *ἀληθεια* употреблено различно, это понятно, почему: въ одномъ разумѣется частный, опредѣленный, случай грѣхопаденія (*ἐν τῇ ἀληθείᾳ οὐκ ἔστηκεν*), хотя и продолжающійся въ своихъ послѣдствіяхъ, а во второмъ — общій характеръ лица (*οὐκ ἔστιν ἀληθεια ἐν αὐτῷ*). Между тѣмъ было бы совершеннымъ произволомъ и въ дальнѣйшемъ *φευότης* и *ὁ πατηρ* различать какъ общее и частное.

Любопытно спросить: во имя чего проф. Богдашевскій отвергаетъ предложенное мною „весьма своеобразное объясненіе“ Ин. X, 12. 13 и VIII, 44, вызванное тѣми затрудненіями, которыя соединяются съ принятымъ чтеніемъ и обычнымъ толкованіемъ? Во имя „своего“ объясненія? Нѣтъ, во имя принятаго и обычнаго, ради защиты чести семинарскихъ учебниковъ. А затрудненія? Для г. Богдашевскаго ихъ не существуетъ: въ принятомъ и обычномъ для него все „непосредственно очевидно“, „натурально“, „безъ сомнѣнія“. Завидно это почиваніе, но подозрительна эта „непосредственная очевидность“. Такое почиваніе „непосредственной очевидности“ на принятомъ и обычномъ еще никогда не приводило къ уясненію истины, но часто ставитъ „самодовольныхъ“ ученыхъ въ безвыходное положеніе.

Такъ это случилось и теперь съ проф. Богдашевскимъ. Дѣло

въ томъ, что несокрушимую ¹⁾ опору для своего объясненія Ін. VIII, 44 я нашелъ въ древнихъ славянскихъ переводахъ

Въ „Остромировомъ евангеліи 1056—57 г., хранящемся въ Импер. публ. бібліотекѣ“, л. 33 (я имѣлъ подъ руками фотолитогр. изд. Спб. 1883) читается: „яко ложь и отецъ его“. То же чтеніе въ принадлежащихъ бібліотекѣ М. Д. А. пергам. рукописяхъ — XII в. (№ 1 Волок.) л. 19 обор., XIV в. (№ 138) л. 166 об. (Здѣсь „его“ кѣмъ то передѣлано на „ея“, такъ что поправка по цвѣту чернилъ замѣтна, легко замѣтить и выступающее прежнее начертаніе). То же чтеніе имѣютъ „Новый Завѣтъ Г. н. I. Хр., трудъ святителя Алексія, М. М. (я имѣлъ фототип. изд. Леонтія М. М. 1892), „Миротавльево јевангеліе (XII в.—изд. кор. Серб. Александра, Беогр. 1897). Въ „Описаніи славенскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки“ (отд. I, М. 1855) сказано (на стр. 236), что пергам. рукописи евангелій №№ 20 — 31, съ XII по XV в., всѣ, слѣдуя тексту списка Остромирова, передаютъ Ін. VIII, 44 „яко ложь есть и отецъ его“, а одинъ изъ списковъ № 30 (стр. 260) имѣетъ даже: „яко ложь есть и господь его“; тогда какъ бумаж. списки евангелій съ XV в. №№ 32—44 имѣютъ чтеніе, согласное съ принятымъ нынѣ (стр. 284). Однако чтеніе „яко ложь есть и отецъ его“ сохраняется въ рукоп. бібліяхъ еще XV и даже XVI в. (стр. 141). Также по „Описанію рукописей бібліотеки Историко-филол. Института кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ, сост. подъ ред. М. Сперанскаго“ (М. 1900) указывается на стр. 5 и 11, что чтеніе „яко ложь есть и отецъ его“ имѣютъ два рукоп. четверо-евангелія XVI в. Даже изъ печатныхъ славянскихъ евангелій, напр. „Евангеліе, напечатанное въ Угровлахіи въ 1512 г.“ (стр. 232) имѣетъ то же чтеніе ²⁾. Не считаю нужнымъ наводить дальнѣйшихъ справокъ, но и этихъ достаточно, чтобы видѣть, что предлагаемый мною на критическихъ основаніяхъ переводъ Ін. VIII, 44 оказывается древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ, исчезнувшимъ лишь въ бумажно-печатный періодъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ „цензуры“ извѣстнаго рода „мыслителей“.

¹⁾ Съ консервативной точки зрѣнія, на которой стоитъ Богдашевскій.

²⁾ Приношу глубокую благодарность за указаніе мнѣ этихъ рукописей и за содѣйствіе при пользованіи ими г. бібліотекаря нашей Академіи К. М. Попову.

Чтобы понять всю силу древняго славянскаго перевода, слѣдуетъ имѣть въ виду, что слав. *ложь* не есть имя сущ. жен. рода, но это имя прилаг. муж. рода; поэтому нашъ славянскій текстъ означаетъ „что лживъ ¹⁾ и отецъ его“. Та рука, которая исправила въ пергам. рукописи „его“ на „ея“, принадлежала невѣжественной головѣ, думавшей, что „ложь“—это сущ. ж. рода. (Подобную же корректуру я встрѣтилъ и въ одномъ печатномъ сочиненіи ²⁾). Итакъ наши древніе переводчики, не учившіеся у профессоровъ, хорошо понимали различіе (въ одномъ предложеніи) сущ. безъ члена, переводя его предикатомъ, и существ. съ членомъ, переводя его подлежащимъ. Не смущала древнихъ переводчиковъ и идея „отца діаволова“: тогда еще г.г. Богдашевскіе не пугали переводчиковъ и читателей призраками „Гильгенфельда и Фолькмара“! Также „непосредственно очевидно“, что древніе переводчики Ин. VIII, 44 не придавали союзу *ὅτι* казального значенія.

Эта историческая справка напомнила мнѣ слова евангелія: „всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть челоуку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая“. Новое, „своеобразное“, критическое отношеніе къ евангельскому тексту приводитъ къ древнему сокровищу церковнаго преданія, тогда какъ трусливое и вялое прозябаніе на тинѣ обычнаго и принятаго, не допускающая до новаго края критическаго разума, не доводитъ и до святой древности, удерживая на старомъ, на дряхломъ.

Еще одно замѣчаніе объ идеѣ лживаго Бога въ писаніяхъ Іоанна. Въ 1 Ин. V, 10 читаемъ: „невѣрующій Богу представляетъ Его лживымъ (*ὁ μὴ πιστευὼν τῷ θεῷ ψευδῆν λέγουσιν αὐτόν*—Ин. VIII, 44 *ψευδῆς ἐστὶν ὁ πατήρ*) ср. I, 10: представляемъ Его лживымъ (*ψευδῆν ποιούμεν αὐτόν*).

Не попалъ ли проф. Богдашевскій въ „тупикъ“, высокомерно объявивъ мое объясненіе Ин. VIII, 44 „весьма страннымъ“, „весьма своеобразнымъ“ (*in malam partem*) и „ненатуральнымъ“ и величественно заявивъ о своемъ „согласіи съ нашимъ славянскимъ переводомъ и большинствомъ древнихъ толкователей“?

¹⁾ Ср. 1 Ин. I, 10; V, 10; также II, 4; IV, 20.

²⁾ Кажется, и Богдашевскій по такому же недоразумѣнію ссылается на славянскій переводъ.

Рѣдко полемика приходитъ къ такому опредѣленному, не-отразимому, „документальному“ результату,—и проф. Богдашевскому остается возможность благородно сознаться въ своей ошибкѣ и не позорить себя упорствомъ.

II.

Мамона неправды.

Выявивъ, такимъ образомъ, свое критическое остроуміе, проф. Богдашевскій въ той же статьѣ даетъ образчикъ своего экзегетическаго творчества.

Онъ объясняетъ притчу о неправедномъ домоуправителѣ. „И похвали господь домостроителя неправеднаго: похвалили не за его неправду, а за его мудрость, т. е. житейскую опытность, находчивость, предусмотрительность; фактъ неправедности домоуправителя ясно поставляется на видъ въ словахъ: *неправеднаго* домостроителя; домовладыка хвалитъ только мудрую заботливость домостроителя о будущемъ, но не одобряетъ избранныхъ имъ для этого средствъ“. Итакъ, по мнѣнію Богдашевского, если „господинъ похвалилъ управителя невѣрнаго (неправеднаго)“, то значитъ „неправедность поставляется на видъ“ какъ не заслуживающая похвалы. Это ясный образчикъ схоластической увертливости, подправленной дешевымъ благочестіемъ. Евангельскій текстъ нужно понимать обратно этому толкованію. Если господинъ похвалилъ управителя невѣрнаго (неправеднаго), то значитъ похвалилъ именно управителя невѣрнаго, и слѣдовательно притча научаетъ насъ именно невѣрности (неправедности), хотя бы эта мысль претила дешевому благочестію и азбучной этикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, читайте притчу: управителю отказываютъ отъ мѣста; онъ спѣшитъ войти въ сдѣлку съ должниками; и вотъ „похвалилъ господинъ управителя невѣрнаго, что догадливо поступилъ“ (ст. 8). Здѣсь ужъ поистинѣ „всякому непосредственно очевидно“, что господинъ похвалилъ управителя за его догадливость, за „избранное имъ средство“ обезпечить свою будущность. Увертываться отъ этого прямого смысла притчи можетъ только искусившійся въ схоластикѣ.—Рекомендуя намъ невѣрность управителя, притча оговаривается: „ибо сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ“. Намъ рекомендуется

подражать невѣрности управителя для своихъ цѣлей, въ своемъ родѣ,—намъ рекомендуется поступать аналогично невѣрности управителя.

Далѣе Богдашевскій пишетъ: приобретайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ—,отъ мамоны неправды (*ἐκ τοῦ μαμωνᾶ τῆς ἀδικίας*), т. е. не отъ богатства, стяжаннаго неправдою, или богатства, къ которому прикрѣпляются всякіе грѣхи неправды, а отъ богатства обманчиваго, преходящаго, ненадежнаго (ср. ст. 11: въ неправеднѣмъ имѣніи). *Ἄδικος* означаетъ здѣсь: недѣйствительный, въ противоположность истинно существующему, реальному... Смыслъ словъ (ст. 10 и 11) вполне ясенъ, если подѣ „малымъ“, „неправеднымъ имѣніемъ“, „чужимъ“—разумѣть маммону,—земное богатство, матеріальныя блага, а подѣ „многимъ“, „истиннымъ имѣніемъ“, „вашимъ“—понимать истинныя духовныя блага, или блага царства Божія“. Въ заключеніе изъ даннаго объясненія профессоръ дѣлаетъ нравственный выводъ: „если земныя блага—„чужое“ для чадъ свѣта и обладаніе ими ввѣрено только для того, чтобы, при правильномъ употребленіи ихъ, снискать милость Божію; то сыны свѣта не должны быть къ нимъ привязаны всѣмъ своимъ сердцемъ, полагая въ нихъ безусловное благо“.

Относительно этого нравственнаго вывода должно замѣтить, что это мораль, о которой сказано въ писаніи: „ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“ (Апок. III, 15. 16). Это—мораль ходячая, мораль „кулаковъ“, жертвующихъ на колокола и подающихъ милостыню. Г. Богдашевскій научаетъ отъ имени евангелія „не привязываться къ земнымъ благамъ всѣмъ своимъ сердцемъ, не полагать въ нихъ безусловнаго блага“. Но вѣдь эта теплохладность не языкъ евангелія!...

Относительно предложеннаго проф. Богдашевскимъ объясненія „мамоны неправды“ нужно замѣтить, что оно старо и уже „пресытило“ насъ. Прекрасное *изложене* этого мнѣнія мы находимъ въ ж. Душ. Чт. 1890 въ ст. „Домоправитель неправды“, гдѣ мы читаемъ (I, стр. 378): „Подѣ мамоню неправды разумѣется отнюдь не преступное или безчестно нажитое имущество, но богатство законное или во-

обще матеріальное благосостояніе. Выраженіе означаетъ: богатство или обладаніе тѣмъ, что не есть правда по отношенію къ высшей и небесной истинѣ человѣка. Посему оно называется также: малымъ въ сравненіи съ великимъ, неистиннымъ въ сравненіи съ истиннымъ, чужимъ въ сравненіи съ нашимъ, служеніемъ кумиру, а не Богу“. Эта же мысль развивается въ томъ же журналѣ за 1903 г. (дек.) въ статьѣ другого автора „Притча о неправедномъ домоправителѣ“, гдѣ мы читаемъ (стр. 720): „подъ неправеднымъ богатствомъ слѣдуетъ разумѣть вообще всякое земное имущество, безъ отношенія къ средствамъ пріобрѣтенія его, а подъ богатствомъ истиннымъ, своимъ и многимъ—разумѣть блага царства небснаго“. Я долженъ замѣтить, что эта статья, не давая ничего новаго сравнительно съ предшествующею, ниже ея по изложенію, по неопредѣленности и неустойчивости основной идеи, въ противорѣчіе которой авторъ объясняетъ далѣе наименованіе земного богатства неправеднымъ въ томъ смыслѣ, что „оно ведетъ къ нарушенію нравственнаго закона“, и дѣлаетъ заключеніе, что „Господь повелѣлъ относиться къ земнымъ имѣніямъ совершенно противоположно тому, какъ относились къ нему лица притчи—сыны вѣка сего“, что очевидно противорѣчитъ евангельскому тексту.

Спрашивается, зачѣмъ же еще разъ повторяетъ это объясненіе г. Богдашевскій?..

Я не удовлетворяюсь этимъ, принятымъ у насъ, объясненіемъ и предлагаю свое. Впрочемъ называя нижеслѣдующее объясненіе притчи своимъ, я долженъ оговориться: я не встрѣчалъ у комментаторовъ этого объясненія, но не ручаюсь—можетъ быть оно принято у когонибудь изъ многочисленныхъ комментаторовъ. Вчера я прочиталъ статью Богдашевскаго, нынѣ ему отвѣчаю, и не имѣю ни времени, ни желанія нарочно справляться съ комментаріями. Оригинально или неоригинально мое мнѣніе, я этому „нарочитаго“ значенія не придаю.

Я не буду повторять о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представляетъ притча для комментаторовъ: они уже не разъ указывались. Я отмѣчу лишь тѣ затрудненія и недоумѣнія, которыя вызываются принятымъ переводомъ и обычнымъ объясненіемъ. Вотъ главнѣйшее изъ нихъ. Въ выраженіи

ст. 9 мамона неправды—богатство несправедливое (*μαμωνας της αδικιας*—*αδικος μαμωνας* ст. 11) русскому прилагательному „несправедливый“ соответствует въ греч. род. сущ. *της αδικιας*. Равнымъ образомъ въ ст. 8 домостроитель несправедливый—управитель невѣрный по гр. передается то же словомъ *της αδικιας*. Итакъ одно и то же греческое слово въ одной и той же притчѣ порусски разъ переведено *невѣрный*] управитель, а другой разъ *несправедливое* богатство. Между тѣмъ сила притчи очевидно въ повтореніи одного слова—разъ въ примѣненіи къ управителю, одному изъ сыновъ вѣка сего, и другой разъ въ примѣненіи къ богатству, т. е. разумѣя отношеніе сыновъ царствія къ богатству. Равнымъ образомъ и *объясненіе* слова несправедливое (богатство) должно быть приложимо (конечно *mutatis mutandis*) и къ слову невѣрный (управитель). Болѣе разумные и послѣдовательные комментаторы это соотношеніе понимаютъ и (обычное) объясненіе „несправедливаго богатства“ прилагаютъ и къ „домоправителю неправды“. Въ такомъ же смыслѣ должно понимать и выраженіе: домоправитель неправды. Не то сіе означаетъ, что домоправитель былъ человѣкъ совершенно безчестный и дѣйствовалъ безъ всякой совѣсти, но то, что онъ, во-первыхъ, несправедливо или нерадиво управлялъ чужимъ имѣніемъ и во-вторыхъ, правилъ тѣмъ, что по сравненію съ верховною правдою не есть подлинная правда, т. е. земнымъ богатствомъ“. Здѣсь въ послѣднихъ словахъ ударяется на томъ, что неправда—въ богатствѣ, которое было вѣрено управителю, а не въ управителѣ, чему способствуетъ род. пад. „неправды“, какъ будто неправда=мамона неправды, какъ будто управитель неправды=управлялъ неправдою. Но нужно устранить этотъ обманъ род. падежа, помня, что здѣсь род. падежъ имѣетъ значеніе прилагательнаго, почему *μαμωνας της αδικιας* ст. 9= *ο αδικος μαμωνας* ст. 11, такъ что мамона неправды=несправедливое богатство и (тѣмъ болѣе) домостроитель неправды=домостроитель несправедливый. Примѣчательно, что въ синодальномъ слав. переводѣ при мамонѣ ст. 9 оставленъ родит. неправды, а при домостроителѣ ст. 8 род. переведенъ прилагательнымъ. Итакъ несправедливость—въ управителѣ, и примѣненіе къ управителю обычнаго объясненія „несправедливаго богатства“ дастъ понятіе „недѣйствительнаго, неистиннаго управителя“, но такое понятіе само себя погрѣбаетъ, потому

что въ притчѣ разумѣется дѣйствительный управитель, а не „тлѣнный и скоропреходящій“ (обычные эпитеты земныхъ благъ).

Адигис нужно объяснять одинаково въ примѣненіи къ богатству и въ примѣненіи къ управителю, но переходить нужно не отъ богатства къ управителю, отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, а обратно, такъ какъ въ притчѣ управитель—образъ, а мамона неправды — обозначаемое, символизируемое образомъ. Что такое домоправитель неправды, это легко понять,—это, какъ переведено въ русскомъ, *управитель невѣрный*, т. е. не оправдавшій довѣрія господина, невѣрный интересамъ имѣнія, которое ему было ввѣрено. Въ образѣ приточнаго управителя выставлены его невѣрность и его догадливость, больше ничего. Всѣ догадки и разсужденія комментаторовъ о свойствахъ управителя и частныхъ особенностяхъ его невѣрности только запутываютъ дѣло, затемняютъ схематическій образъ ¹⁾. Самъ по себѣ образъ очень ясный—это управитель невѣрный и догадливый. Въ другихъ притчахъ даны образы вѣрнаго раба (*πιστος δοῦλος*), т. е. раба, оправдавшаго довѣріе господина, вѣрнаго интересамъ ввѣреннаго имущества, приумножившаго ввѣренное (Мѡ. XXIV, 45; XXV, 21; Лк. XIX, 17 ср. XII, 42). Если управитель *της адигис* есть собственно и буквально управитель невѣрный (въ указанномъ смыслѣ), то и богатство *της адигис* есть тоже *богатство невѣрное*, но конечно *mutatis mutandis*, такъ какъ тамъ лицо, а здѣсь вещь,—богатство невѣрное, т. е. интересамъ котораго оказываютъ невѣрность, которое расточаютъ. Хотя слово невѣрный употребляется и активно, и пассивно, и въ отношеніи къ лицу, и въ отношеніи къ вещи, хотя и род. гр. *της адигис* можетъ быть и *obj.* и *subject.*, однако порусски въ указанномъ смыслѣ *невѣрный* не употребляется въ примѣненіи къ вещи (невѣрное дѣло означало бы то, въ которомъ человекъ проигрываетъ, которое не оправдываетъ надежды). Поэтому порусски второе *της адигис* неудобно перевести прилагательнымъ, но нужно (какъ въ слав. синод. домостроитель неправедный и мамона неправды) перевести: управитель невѣрный и богатство невѣрности, мамона

¹⁾ Ср. выше замѣчаніе о схематическихъ образахъ пастуха, наемника, волка.

невѣрности (=невѣрность богатству). Сравниваются управитель и богатство, посредствующій членъ сравненія—невѣрность, то активная, то пассивная: управитель—невѣрный, такъ какъ не соблюдаетъ интересовъ имѣнія, не приумножаетъ его, расточаетъ, и богатство есть мамона невѣрности, такъ какъ не соблюдаютъ его интересовъ, расточаютъ его. Невѣрность управителя неизбежно вызываетъ невѣрность имѣнія: управитель—невѣрный (субъектъ невѣрности), слѣд. имѣние есть мамона невѣрности (объектъ невѣрности). Намъ заповѣдуется въ притчѣ: какъ управитель былъ невѣрнымъ имѣнiю, такъ и мы должны быть невѣрны богатству. Но и та и другая невѣрность въ своемъ родѣ: догадливый управитель былъ невѣрнымъ имѣнiю въ земныхъ—эгоистическихъ расчетахъ (невѣрность субъективная), а сыны свѣта должны быть невѣрными богатству ради царствiя Божiя, почему въ отношенiи къ нимъ ступеневывается субъективная невѣрность и выступаетъ невѣрность объективная, т. е. ударенiе на объектѣ невѣрности,—*μαμωνας τις αδικιας* = *αδικος μαμωνας*. Итакъ притча научаетъ: какъ невѣрный управитель былъ догадливъ въ своемъ родѣ, такъ мы должны приобрѣтать себѣ вѣчныя обители мамоной невѣрности, т. е. невѣрностью интересамъ богатства. Для управителя характеристично личное пользованiе своею невѣрностью; для сыновъ свѣта характеристична (въ ихъ отношенiи къ богатству)—объективная судьба богатства; для перваго—что онъ сдѣлалъ для себя изъ богатства, для вторыхъ—что станетъ въ ихъ рукахъ съ богатствомъ.

Что пониманiе невѣрнаго богатства въ смыслѣ невѣрности богатству истинно, это видно изъ того, что ниже, въ ст. 13, Богъ и мамона представляются двумя господами, которымъ нельзя служить одновременно: сыны свѣта, служа Богу, должны ненавидѣть мамону, не радѣть о богатствѣ. Мамона *τις αδικιας* ст. 9 это то же, что ненависть къ мамонѣ, не радѣнiе о богатствѣ ст. 13—это одинаково невѣрность интересамъ богатства, расточенiе его.

Намъ теперь нужно выяснитъ, почему отъ сыновъ свѣта требуется невѣрность богатству, почему богатство для нихъ объектъ невѣрности.

Евангельская этика опредѣляется съ двухъ сторонъ: со стороны содержанiя и съ формальной стороны. Но содержа-

нію евангельская этика утверждается на принципѣ любви. Въ формальномъ отношеніи она характеризуется абсолютностью. Въ евангеліи къ единицѣ, обозначающей этическую величину, прибавлено безконечное число нулей, ко всякому этическому правилу прибавлена частица „все“, съ cadaго этическаго движенія сняты узы. „Люби“, „прощай“, „благовотвори“ все это было и до христіанства; люби всѣхъ, люби до смерти, прощай безъ конца, раздай все имѣніе—такова евангельская этика. И любовь, какъ принципъ, для христіанской этики потому характеристична, что только любовь „все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“¹⁾. Такова же евангельская этика, въ частности, и по отношенію къ вопросу о богатствѣ. Не будемъ излагать полнаго евангельскаго ученія о богатствѣ. Поставимъ только одинъ вопросъ: возможно ли, по евангелію, богачу спастись? (Спаستись, т. е. получить полноту евангельскихъ благъ,—спастись реально, а не юридически въ смыслѣ загробнаго воздаянія). Возможно, но только подъ однимъ условіемъ и однимъ путемъ—путемъ раздачи всего имѣнія. Христіанская благотворительность имѣетъ характеръ абсолютный. „Продавайте имѣнія ваши, и дайте милостыню“ (Лк. XII, 33): вотъ евангельская заповѣдь. Такую евангельскую заповѣдь трудно выполнить. Чѣмъ менѣе имѣетъ человекъ, тѣмъ легче ему жить по евангелію. Бѣдная вдова положила на храмъ только двѣ лепты и она уже „положила все пропитаніе свое, какое имѣла“ (Лк. XXI, 4). Нищихъ евангеліе ублажаетъ. Для богача сдѣлать то же трудно даже при благопріятныхъ условіяхъ. Юноша соблюлъ заповѣди „отъ юности своей“, такъ что Господь полюбилъ его,—и однако такой хорошей юноша, услышавъ повелѣніе: „все, что имѣешь, продай, и раздай нищимъ“—смутившись отъ сего слова, отошелъ съ печалію, потому что у него было большое имѣніе (Лк. XVIII 18—23 пар.). Какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царство Божіе! Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе (24. 25).

Эта, евангельская, точка зрѣнія на богатство, совершенно

¹⁾ Не развиваю этихъ мыслей подробно, такъ какъ вскорѣ надѣюсь начать печатаніе изслѣдованія „Вѣра и жизнь по евангелію“.

новая для язычества и для іудейства. Языческій философъ называетъ благотворительность денежную болѣе легкою, чѣмъ благотворительность дѣломъ, особенно для богатаго (*facilior—locupletis praesertim*). Онъ совѣтуетъ благотворить изъ процентовъ, а не изъ капитала, и осуждаетъ благотворительность изъ капитала, такъ какъ такая щедрость сама себя уничтожаетъ и становится невозможною въ будущемъ (*largitio, quae fit ex re familiari, fontem ipsum benignitatis exhaurit. Ita benignitate benignitas tollitur: qua quo in plures usus sis, eo minus in multos uti possis. Cicer. De off. II, 15*)... Іудеи считали богатство даромъ Божиимъ, наградою за праведность. Правда, лучшіе изъ нихъ чувствовали нравственную тяжесть тѣхъ средствъ, которыми богатство приобрѣтается. Но въ богатствѣ они видѣли ту особенность, что оно само въ себѣ даетъ возможность искупленія всѣхъ грѣховъ и, въ частности, соединенныхъ съ его приобрѣтеніемъ, т. е. путемъ благотворительности. Для нихъ былъ живымъ вопросъ, какую часть имѣнія нужно тратить на благоустройства. Приточный фарисей „давалъ десятую часть изъ всего, что приобрѣталъ“. Это была очень широкая благотворительность. Но это не то, что требуется евангеліемъ.

Въ отличіе отъ язычества и іудейства, евангеліе учитъ, что богачъ можетъ войти въ царство Божіе лишь становясь нищимъ,—богатство служитъ евангелію, лишь исчезая, растаявая. Поэтому для сыновъ свѣта характеристична невѣрность богатству. „Приобрѣтайте себѣ друзей невѣрностью мамонѣ, чтобы они приняли васъ въ вѣчныя обители“ (ст. 9): друзья, принимающіе сыновъ свѣта, это еще образный языкъ,—друзья, принимающіе ихъ въ вѣчныя обители, это то же, что блага царства Божія. „Достигайте благъ царства Божія невѣрностью богатству“.

Что въ притчѣ разумѣется невѣрность богатству, ведущая къ его оскудѣнію, это находитъ себѣ слѣдующее текстуальное подтвержденіе. Стихъ 9 читается такъ: приобрѣтайте себѣ друзей (невѣрностью богатству), чтобы они, когда обнищаете, слав. оскудѣете (*ἐκλίπητε* tex. грес.), приняли васъ въ вѣчныя обители“. Переводъ „обнищаете“ невѣрно передаетъ значеніе греческаго глагола, почему у комментаторовъ замѣняется: когда умрете (прекратитесь, перестанете). Но этого мало,—и чтеніе здѣсь невѣрное. Нужно читать *ὅταν ἐκλίπη*—

егда оскудѣеть, когда прекратится, т. е. богатство. „Приобрѣтайте себѣ друзей невѣрностью богатству, чтобы они, когда оскудѣеть, приняли васъ въ вѣчныя обители“.

Но такая невѣрность богатству (въ своемъ родѣ, евангельская) есть высшая вѣрность Богу, какъ это разъясняется въ стихахъ 10—12. Обычное объясненіе *этихъ* стиховъ вполне удовлетворительно. Нужно только обратить вниманіе, во-первыхъ, на переходъ отъ ст. 9 къ 10. Здѣсь мы встрѣчаемъ свойственную евангелію смѣлость мысли, свободу переходовъ, слѣдующихъ логикѣ идей, а не логикѣ словъ. Напр. Симону фарисею Христосъ разъясняетъ, что болѣе „возлюбить“ тотъ, кому болѣе прощается. Отсюда *буквально* (по логикѣ учебниковъ) нужно было бы сдѣлать такое приложеніе къ женѣ грѣшницѣ: „прощаются грѣхи ея многіе для того, чтобы она возлюбила много“; но Христосъ дѣлаетъ такой (неожиданный для азбучной логики) выводъ: „прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тотъ мало любитъ“ (Лук. VII, 40—47). Подобный переходъ мы встрѣчаемъ и въ разсматриваемой притчѣ: „приобрѣтайте себѣ друзей невѣрностью богатству... вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ“ и пр. Идея такая: невѣрность богатству есть высшая вѣрность Богу. Въ связи съ этимъ легко объяснить слова: „и похвалилъ господи́нь управителя невѣрнаго, что догадливо поступилъ“. Въ объясненіе этого стараются или облить управителя, извинить его, оправдать, или очернить господина, говоря такъ: „господи́нь, несмотря на вредъ, причиненный его интересамъ мошеннической продѣлкой управляющаго, похвалилъ эту продѣлку потому, что онъ былъ такой же сынъ вѣка сего, какъ и управляющій, потому, что онъ относился и дѣйствовалъ по отношенію къ земному имуществу такъ же, какъ и управляющій, потому, что онъ и безнравственныя средства считалъ дозволительными въ дѣлѣ приобрѣтенія имущества, лишь бы эти средства достигали цѣли“ (Д. Чт. 1903 дек. стр. 715—716). То и другое тщетно. Въ образѣ приточнаго господина виденъ ликъ Отца Небеснаго. Въ дѣйствительности хозяи́нь не сталъ бы *хвалить* такого управителя, все равно какъ не станетъ „господи́нь, препоясавшись, служить рабамъ своимъ“ (Лк. XII, 37 ср. XVII, 7—10); въ дѣйствительности хозяи́нь удивился бы ловкости управителя, невольно и внутренно

одобрилъ бы ее, какъ мы про себя говоримъ о врагѣ: „ловко онъ провелъ меня“. Но какъ за образомъ невѣрнаго управителя скрывается невѣрность богатству сыновъ свѣта, а въ невѣрности ихъ богатству проявляется ихъ вѣрность Богу: такъ и въ невольномъ удивленіи или одобреніи хозяина проглядываетъ милостивая похвала Отца Небеснаго сынамъ свѣта, подражающимъ „въ своемъ родѣ“ невѣрному, но догадливому управителю,—все равно какъ въ образѣ „господина, служащаго рабамъ своимъ“ уже видны черты того, кто обозначается образомъ,—того единаго Господа, который „служилъ“ (Лк. XXII, 27).

Во-вторыхъ, нужно обратить вниманіе на греческія слова, которыми обозначается въ притчѣ вѣрность и невѣрность. Въ русскомъ не выдерживаются греческія слова, но въ славянскомъ „неправедный“ и „вѣрный“ чередуются соотвѣтственно греческимъ *αδικος* или *αδικας* и *πιστος*. Въ притчѣ разумѣется двоякая невѣрность и вѣрность: невѣрность (неправедность) по отношенію къ имуществу, или богатству, и вѣрность Богу. Первая невѣрность (неправедность) хорошо обозначается погречески словомъ *αδικας* или *αδικος*, а вторая вѣрность также хорошо обозначается словомъ *πιστος*. Не буду дѣлать выписокъ изъ греческихъ словарей. Достаточно замѣтить, что словомъ *πιστις* въ евангеліи обозначается собственно религіозная вѣра, вѣра въ Бога. *Δικη*—справедливость, воздаяніе каждому должнаго, своего. Одно дѣло *δικη* по отношенію къ власти, другое дѣло *δικη* по отношенію къ друзьямъ, къ контракту и т. д. Можетъ быть *δικη* по отношенію къ вещамъ: въ частности *δικη* по отношенію къ землѣ—обработываніе ея, по отношенію къ богатству—сохраненіе и приумноженіе его ¹⁾. Понятно отсюда, почему невѣрность управителя, расточавшаго имѣніе, и невѣрность сыновъ свѣта богатству обозначены словами *αδικας*, *αδικος*, а вѣрность сыновъ свѣта Богу словомъ *πιστος*. Примѣчательное чередованіе невѣрности - неправедности (*αδικος*) и вѣрности (*πιστος*) встрѣчаемъ въ стихахъ 10—12: вѣрный (*ο πιστος*) въ малѣ, и во мнозѣ вѣренъ (*πιστος*) есть; и неправедный (р. невѣрный *αδικος*) въ малѣ и во мнозѣ неправеденъ (*αδικος*) есть. Аще убо въ неправеднѣмъ (*αδικω*) имѣнии вѣрны (Богу—

¹⁾ Раскрываю идею слова,—и только.

πιστοι) не бысте, во истиннѣмъ кто вамъ вѣру иметь (*πιστευσει*): и аще въ чужемъ вѣрны (Богу *πιστοι*) не бысте, ваше кто вамъ дастъ? (Здѣсь противопоставляется богатство земное и вѣншнее благамъ вѣчнымъ внутреннимъ).

Мы разъяснили мысль притчи. Теперь послѣдній вопросъ о переводѣ: какъ выдержать слова и мысль? Въ этомъ случаѣ прежде всего нужно признать достоинство славянскаго перевода (и недостатки русскаго—разумѣю син. изд.). Если изъ двухъ золъ выбирать меньшее, то лучше славянскія реченія, о которыхъ рѣчь, сохранить въ русскомъ переводѣ: управитель неправедный, мамона неправды, вѣрный въ маломъ, неправедный въ маломъ... Съ этими реченіями уясненная мысль притчи удобно соединяется. Зломъ же (меньшимъ) называю то, что славянскія реченія остались бы безъ перевода. По русски яснѣе сказать: управитель невѣрный, невѣрность богатству (мамона невѣрности), но въ такомъ случаѣ не различаются вѣрный (*πιστος*) и невѣрный (*αδικοσ*). Можно переводить *αδικος* (взявши не общую идею *δίκη*, а частное примѣненіе ея къ имѣнію, богатству) нерадивый, небрежный. „Одинъ человѣкъ былъ богатъ, и имѣлъ управителя, на котораго донесено было ему, что расточаетъ имѣніе его... И похвалилъ господинъ управителя нерадиваго, что догадливо поступилъ; ибо сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ. И Я говорю вамъ: пріобрѣтайте себѣ друзей нерадѣніемъ о богатствѣ, чтобы они, когда оскудѣтъ, приняли васъ въ вѣчныя обители. Вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ; а негодный въ маломъ и во многомъ негоденъ. Итакъ если въ негодномъ богатствѣ вѣрны не были, кто повѣритъ вамъ истинное? И если въ чужомъ вѣрны не были, кто дастъ вамъ ваше? Никакой слуга не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а другимъ пренебрегать. Не можете служить Богу и богатству“.

Прим. Въ этомъ переводѣ удалось выдержать единство перевода „управитель *της αδικιας*“ и „богатство *της αδικιας*“, измѣнивъ (какъ въ слав. переводѣ) gen. subject. и obj. (чему нѣтъ соответствія въ русскихъ формахъ) въ прилагат. и существит. Но пришлось для *αδικοσ* ниже взять другой корень „негодный“, хотя все таки родственнѣй (радѣть—у-годить). Для самого слова негодный ср. греч. *αδικοσ οϊκητης*. Пола-

гаю, что различія между *αδίσιας* и *αδίσκος* и перехода въ мысляхъ отъ 9 къ 10 ст. достаточно, чтобы такъ различно перевести эти слова.

III.

Іак. IV, 5.

Η δοξείτε ότι κενῶς ἡ γραφή λέγει; πρὸς φθόρον ἐπιποθεῖ τὸ πνεῦμα ὃ κατοικίωεν ἐν ἡμῖν.

Или мните, яко всуе писаніе глаголетъ: къ зависти желаетъ духъ, иже вселися въ ны;

Или вы думаете, что напрасно говоритъ писаніе: до ревности любить духъ, живущій въ насъ? (И далѣе ст. 6: Но тѣмъ большую даетъ благодать; посему и сказано: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Притч. III, 34).

Ни греческимъ, ни славянскимъ, ни русскимъ текстомъ Іак. IV, 5 не дается яснаго и опредѣленнаго смысла. Всѣ извѣстныя толкованія этого мѣста говорятъ только о полной безпомощности экзегетовъ. Что такое значитъ: „къ зависти желаетъ духъ“, или: „до ревности любить духъ“? Мало того: если „духъ“ подлежащее, какъ это внушается славянскимъ текстомъ, то не понятно, чего онъ желаетъ. Если же „духъ“ принять за дополненіе, какъ это можно по русскому тексту, то не видно, кто любитъ нашъ духъ. Наконецъ: въ ст. 5 и 6 мы видимъ двѣ цитаты, изъ которыхъ одна предваряется словами „говоритъ писаніе“, а другая—„посему и сказано“, между тѣмъ въ Притч. III, 34 мы находимъ только текстъ второй цитаты („Если надъ кощунниками Онъ посмѣвается, то смиреннымъ даетъ благодать“). Откуда взята первая цитата, неизвѣстно.

Все это заставляетъ предполагать, что мѣсто испорчено.

Въ послѣдней книжкѣ St. u. Kr. (1904, 1) предложена такая эмендація текста: вмѣсто *πρὸς φθόρον* нужно читать *πρὸς τὸν θεόν—πρὸς τὸν θεὸν ἐπιποθεῖ τὸ πνεῦμα*=къ Богу желаетъ, или устремляется душа.

Въ такомъ случаѣ мы припоминаемъ Пс. XLII, 2: какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже: (LXX) *Ὅτι τρόπον ἐπιποθεῖ ἡ ἔλαφος ἐπὶ τὰς πηγὰς τῶν ὑδάτων, οὕτως ἐπιποθεῖ ἡ ψυχὴ μου πρὸς σέ, ὁ θεός,—*

и Еккл. XII, 7: духъ возвратится къ Богу, который даль его: *καὶ τὸ πνεῦμα ἐπιστρέψῃ πρὸς τὸν θεόν, ὃς ἔδωκεν αὐτό*. Эти два текста въ соединеніи даютъ первую цитату: къ Богу желаетъ духъ, который Онъ вселилъ (*κατοικίσει*) въ насъ.

Этотъ переводъ вполнѣ передаетъ значеніе *ἐπιποθέω*— „желать чего, тосковать по комъ или по чемъ“, и *κατοικίω*— „поселять, посылать на жительство“ etc.

Вслѣдъ за приведенной цитатой Апостоль даетъ отъ себя объясненіе въ словахъ, въ которыхъ подлежащимъ подразумѣвается (вставленное теперь въ цитату) слово Богъ: „большую же даетъ благодать“ и которая вызываютъ новую цитату изъ Притч. III, 34: „Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“.

Апостоль требуетъ отъ христіанъ *полной* преданности Богу, такъ какъ „дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога“ (Іак. IV, 4). Далѣе апостоль подкрѣпляетъ это требованіе тѣмъ соображеніемъ, что для человѣка естественно *вполнѣ предаться* Богу, такъ какъ „къ Богу устремляется нашъ духъ, который Онъ Самъ вселилъ въ насъ“ и такъ какъ Богъ съ благоволеніемъ принимаетъ это устремленіе духа, посему и сказано: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать.... „Приблизьтесь къ Богу, и приблизится къ вамъ“.

М. Таръевъ.